4 мая 1983 г. № 18
„Литературная газета"

ДУХОВНЫЙ МИР СОВРЕМЕННИКА

* Мифы и ценности
* Суть жизни и суета жизни — как различить их?
* Долг перед обществом и долг перед собой

Чабуа АМИРЭДЖИБИ:

«ВЕРЮ В ЭНЕРГИЮ ДОБРА!»

«...я призван был отдавать отечеству все, а получать лишь столько, сколько нужно было, чтобы отдавать все».
(Из романа «Дата Туташхиа»)

НЕЛЕГКО было уговорить Амирэджиби на эту беседу. «Взрывной» успех «Даты Туташхиа», его первого и пока единственного романа, по которому был снят получивший Государственную премию телевизионный фильм «Берега», до сих пор привлекает к автору слишком много внимания. «Я уже объявил в прессе, что не даю интервью. Не хочется, стыдно повторяться...»

Он пишет сейчас трилогию о судьбах Грузии XIII века и одновременно книгу воспоминаний: «Это будет что-то вроде дневника 60-летнего человека». Не так уж много осталось времени. Ему бы запереться и работать, работать. Пишет медленно, по многу раз переделывает написанное. А еще он — редактор грузинского альманаха «Кино». И много других общественных нагрузок. А еще к нему звонят и приходят люди, знакомые и незнакомые, за помощью или просто за советом. И он никому не может отказать.

Согласившись на беседу (тема-то его очень волнует), Амирэджиби не жалел времени. Он относится к числу тех редких собеседников, которые стараются известное обдумывать заново, не боятся ошибаться — ищут истину у тебя на глазах.

Беседа началась в Тбилиси, продолжилась в Москве. К сожалению, газетная страница вместит только фрагменты. Но слова Амирэджиби сохраню в доподлинности, как бы необычно они ни звучали.

О МОДЕ И О ПОТРЕБНОСТЯХ

> **«...И было человеку дано:
> Совесть, дабы он сам изобличал недостатки свои. Сила, дабы он мог преодолевать их; Ум и Доброта на благо себе и присным своим, ибо только то благо, что идет на пользу ближним...»**
> (Из романа)

С этого эпиграфа, стилизованного под эпос, начинается роман «Дата Туташхиа».

Амирэджиби заранее предупредил, что говорить о своем романе не собирается. Но как все-таки обойтись без Даты? Этот благородный абраг, борец за справедливость, искатель истины стал в Грузии народным героем. Дети в тбилисских дворах до сих пор играют «в Дату»...

— Это загадка, касающаяся духовного мира современного человека, Чабуа Ираклиевич. Может быть, Дата потому оказался так нужен сегодня, что выявил в нас, вроде бы рациональных, нередко скептичных, ни в какие мифы не верящих, неистребимую детскую тоску по идеальному, или, как говорят, положительному герою?

— Что же здесь загадочного? Каждый человек понимает, что рожден он для добра, а не для зла. Другое дело, что добро требует усилий, а зло сделаешь и не заметишь. Так было всегда: зло прикидывалось добром. Обычный способ приспособляемости. Иначе как злу выжить?

Человек по природе своей устремлен к добру? Прекрасное, но все-таки спорное утверждение.

Утопист он, Амирэджиби? Романтик? Но ведь этот романтик знает «изнанку» жизни лучше, чем любой скептик. Успех, известность пришли к писателю поздно, после пятидесяти. А начиная с ранней юности жизнь его была полна суровых испытаний. Еще не зная, что когда-нибудь возьмется за перо, не ради сбора литературного материала, а по воле судьбы переменил он множество мест и профессий. Работал лесорубом, стекольщиком, шофером, грузчиком, официантом, директором лесокомбината и снова — лесорубом. Был обречен на смерть (как он сумел выжить — расскажу позже). Жизнь, кажется, делала все возможное, чтобы ожесточить его. Но остался Амирэджиби веселым, независимым человеком, одержимым, как и его герой Дата Туташхиа, идеей служения добру.

Рассказываю ему, как в одной московской школе писали сочинение «Какие черты характера ты ценишь выше всего?». И большинство старшеклассников на первое место поставили доброту. Не ум, не силу характера, не талант, а — доброту. Добро входит в моду?

Амирэджиби внимательно слушает, вроде бы соглашаясь, потом легко поводит рукой (его жесты исполнены величавого достоинства) и будто отодвигает вопрос:

— Мода здесь ни при чем! Просто эти сочинения — симптом того, что ощущается дефицит добра. И, знаете, это очень хороший симптом. Раз есть потребность, она будет удовлетворяться.

— Но многие из нас хотят доброты от других, а сами проявлять ее не спешат.

— Значит, забыли мы самую простую истину: человек только тогда может быть счастливым, если сам творит добро.

— Будем реалистами, Чабуа Ираклиевич. Видим же мы, что добрые и порядочные люди нередко чувствуют себя «белыми воронами», а успех в жизни достается совсем другим... Недаром разговоры о нравственности даже у нравственных людей вызывают порой раздражение. Сегодня спорят: в чем счастье, в чем успех? Все перепуталось...

— Ничего не перепуталось! — решительно говорит, вернее, восклицает он и возвращается к разговору о зависти, начавшемуся, когда мы ехали в машине.

Не слыша страстной убедительности его интонаций (голос у Амирэджиби хриплый, будто готовый вот-вот сорваться, но никогда не срывающийся), не представляя его обаятельного прямодушия и всего облика («профиль мудреца и воина» — пишут о нем), трудно воспринять этот монолог, впрочем, как и последующие.

Чтобы ввести читателя в ту особую атмосферу, в которую попадаешь, общаясь с Амирэджиби, расскажу один, весьма типичный эпизод.

...Он возил нас (небольшую группу журналистов и писателей) в горы. Возвратились в Тбилиси поздно, уставшие, но Амирэджиби, «неутомимый Чабуа», настоял, чтобы все мы шли с ним на празднование Дня лесника — он обещал, его там ждут.

Торжественная часть давно закончилась, и мы, казалось, были лишними среди набравшего силу веселья. Вдруг музыка смолкла, раздался грохот отодвигаемых разом стульев, все встали, и в полной тишине какой-то человек (лесник или, может быть, министр — все были в модных современных костюмах) сказал тост в честь Чабуа Амирэджиби: «...Мы любим тебя не только за то, что ты, знаменитый писатель, прославил нашу Грузию, а прежде всего за то, что ты — добрый человек».

Между ним и этими лесниками не чувствовалось никакой дистанции...

«Все мы до тех пор люди, пока хотим стать лучше», — сказал потом он и предложил странный тост: «За проклятие человека, который доволен собой!»

О ЗАВИСТИ И ЧУВСТВЕ «СВОЕЙ СКОРОСТИ»

> **«Жизнь — это процесс добывания духовной и материальной пищи, а нравственность — сила, регулирующая этот процесс».**
> (Из романа)

Итак, начался разговор о зависти еще в машине. Чабуа сидел за рулем. На лице — всегдашняя ироническая улыбка, которая отнюдь не означает насмешки над собеседником, а придает разговору оптимистический оттенок. Уж не помню, о чем шла тогда речь. Вдруг он сказал:

— Вот дорога, наблюдаю очень многих водителей. Обгонит он тебя, потом другую машину, третью, пятую (если не каждый раз, то часто создавая аварийную ситуацию), а минут через десять снова видишь его — тащится в хвосте у какого-то самосвала, груженного ломом. Ну что он выгадал? Кому что доказал?

И вообще, зачем жить с постоянной оглядкой на соседа? Ну, допустим, перегнал я своего соседа — у него белая спальня, а у меня — в стиле «рококо». Но теперь нужно перегнать другого, у которого есть «ГАЗ-24». Так. А потом — третьего, у которого «мерседес». Но этой же гонке нет конца! Как у водителя, который хочет перегнать миллиарды машин, которые есть на свете. Все — зависть!..

— Вы говорите, что регулировщик «гонок» — зависть. Но сейчас это называется более красиво: «престиж».

— Какой тут престиж? Если бы речь шла о том, что у меня должно быть больше научных трудов, чем у другого, и они должны быть лучше, чем у третьего, вот это — престиж. А так — не будем романтизировать — зависть, чистая зависть!

Он стал сердитым, благожелательный Чабуа. Потом какое-то дорожное впечатление переключило его внимание.

Но вот сейчас, у него дома, разговор о зависти возникает вновь.

— Ничего не перепуталось! — решительно говорит Амирэджиби. — Всегда были те, кто трудности времени выносил на своих плечах, и те, кто на этих трудностях старался нажиться. Первые всегда видели счастье в том, чтобы что-то сделать, изменить к лучшему. Для вторых счастье — это всего лишь «иметь или не иметь». Ну и что, разве должен я отказываться от своих внутренних потребностей к добротворчеству только из-за того, что в обществе еще существуют прилипалы и паразиты?

Пытаюсь «приземлить» разговор:

— Пользоваться благами жизни хочет каждый. Вот вы, к примеру, тоже будете испытывать дискомфорт, если у вас не будет настольной лампы.

— Извините, перебью вас. Я буду чувствовать дискомфорт не в том случае, когда у меня не будет настольной лампы, а когда моя бумага будет плохо освещена. Прошу усмотреть в этом разницу.

И тут он проводит небольшую «экскурсию» по своему кабинету, обращает мое внимание, что два плафона в светильнике разбиты: «Дети играли и разбили, надо, конечно, купить новые, но все некогда...» (у Амирэджиби шестеро детей). Узнаю, что письменный стол, на котором лежат сейчас толстые старинные книги и стопа исписанных листов, сделан, оказывается, своими руками: «Хотелось иметь большой стол, чтобы удобно разложить все материалы. Но то денег нет, то времени, чтобы искать... Да ну его к черту! Вот взялся и сбил себе сам. Будут мысли, и на таком попишешь...» (Он смеется.) Неплохой, кстати, получился стол.

— Но не все, Чабуа Ираклиевич, защищены от соблазнов жизни творчеством... Если взять обычного человека, как трудно ему не оглядываться на тех, кто рядом. И, бывает, порядочные люди говорят себе: не разумнее ли жить, «как все»?

— Что это значит — «как все»? Давайте откроем себе глаза: кто они, так называемые «все»? Вот я — писатель, на гонорары свои не жалуюсь, но не могу себе позволить многого из того, что называется сегодня «престижным». Дубленку жене, которая родила и воспитала моих детей, только два года назад сумел купить. Да пусть меня четвертуют на любой площади хоть в Тбилиси, хоть в Москве — честным путем побеждать в престижных «гонках» невозможно. Значит, речь идет о том, что кто-то боится быть менее удачливым проходимцем, чем его преуспевающий сосед? Но ведь это же комедия, понимаете?

— Наш разговор о самосовершенствовании приобретает уголовный оттенок...

Амирэджиби не реагирует на замечание, продолжает очень серьезно:

— Выход из этого один — мы должны с детства воспитывать в людях чувство «собственной скорости». Только оно защитит человека от коросты потребительства в наш век.

— Вы говорите о воспитании разумных потребностей?

— О свободе от ловушек, в которые заводят гонки! А ведь каждый хочет уважать себя, доказать себе и окружающим, что не напрасно на свет родился. Это высокий духовный голод. И насыщать его требуется человеку каждый день. Но кусок своего духовного хлеба не «урвешь» из чужих рук, не «достанешь» с черного хода. Наш социалистический закон: кто не работает, тот не ест — в отношении пищи духовной действует безотказно! К духовному «котлу» общества просто так не присосешься!

Куда делся философический тон, с которого начиналась наша беседа? Исчезла даже улыбка.

— Духовный голод можно утолить через добротворчество: отдавать людям, обществу все, что можешь, а себе брать столько, сколько нужно, чтобы жить, и вновь отдавать все... Что человеку необходимо? Еда, одежда нормальная, чтобы не смущать других ни шиком, ни неряшливостью, крыша над головой...

Конечно, некоторые могут посмеяться: свихнулся, что ли, Чабук, о каком самоограничении он говорит, когда сегодня некоторые спят и видят, как бы заменить югославский аккумулятор в машине на французский и так далее. Но здесь уж меня разбирает смех. Если мир для кого-то просто пастбище, где можно щипать траву, пастись, то чем, извините, такой человек отличается от животного? Тем, что ходит в штанах, а корова без штанов?

Звонит телефон. Он снимает трубку: «Батоно?» Это слово, сохранившееся в современном грузинском языке как уважительная приставка к имени собеседника, он употребляет необычно — вместо «алле». И звучит это у него с интонацией: «Чем могу служить?» Это — еще не зная, кто на том конце провода. Сейчас звонит друг, художник Реваз. Лицо Чабуа светлеет. Возвращаясь потом к нашей теме, говорит в более спокойном тоне:

— И все-таки я убежден: если из ста пять, в лучшем случае семь — десять человек совершенно откажутся от призывов своей зависти и будут идти по пути добротворчества, этого будет вполне достаточно, чтобы не угрожали нашему обществу тупики потребительства. Очень важно показать пример! Эти гонки, эта зависть противоречат самой сути нашего строя. Реноме доброго человека у нас дорого стоит. Знаете, семья моих московских друзей принимала как-то гостя из Швеции, ну, обычные шли беседы, а он к концу вечера загрустил. «Жалко, — говорит, — с вами расставаться. Это так необычно: разговоры о смысле жизни, о душе... У нас о таком не говорят».

О ПРОСТЫХ ИСТИНАХ И «ПЕРЕВЕРТЫШАХ»

> **«...Каждый выбирает ту крепость, которую хочет взять. Для одного это соперник, наделенный дарованиями, бо́льшими, чем он, и гонимый тщеславием, он тратит все свои духовные силы на то, чтобы побороть этого соперника... Но есть и другие — цвет человечества, — они осаждают и штурмуют единственную крепость — собственную личность».**
> (Из романа)

Можно упрекнуть Амирэджиби в резкости тона, в противоречивости некоторых суждений. Но не такой это человек, чтобы бояться показаться кому-то в не очень выгодном свете. Говоря о своей гражданской боли, он готов ломиться в открытую дверь.

Впрочем, может быть, нам просто кажется, будто мы давно все знаем и что все двери открыты? Вот ведь какой парадокс: изысканный по форме роман «Дата Туташхиа», соединивший в себе притчу, философское исследование и детективный жанр, по сути, стал своеобразной нравственной проповедью. Но простые истины прозвучали для нас как откровение. Читатель с напряженным интересом следит за судьбами героев, но думает при этом о самом себе: зачем я живу? Правильно ли живу? На что уходит моя единственная жизнь?

Амирэджиби убежден: в наше время эти вечные вопросы звучат, как никогда, конкретно и остро: «Сегодня мы все теснее друг от друга зависим...»

— Но как часто бывает, Чабуа Ираклиевич: стремишься к хорошему, а результат плохой, делаешь кому-то добро, а интересы другого человека страдают... Сталкиваясь с такими «нравственными перевертышами», теряешь энтузиазм в делании добрых дел. Вы переживали подобное настроение?

— Никогда! — с какой силой может звучать этот хриплый голос, похожий на шепот глубоко простуженного человека. — Бывало, обстоятельства мешали действовать, но если выбор зависел лично от меня, я вмешивался. Отношусь, наверное, к породе людей, которые, говоря по-простонародному, всегда находят на свою голову приключения. Иногда даже самому смешно: куда ты суешься, кто тебя позвал и обязал это делать? Но все равно не можешь жить иначе, потому что все, что происходит, твое дело на свете!

Ошибался, конечно. Не раз. Но что поделать, стандартов тут нет. Остаться в стороне — значит помогать злу. Вспомните, что было с Датой... На его глазах творится преступление, ему стоит рукой пошевельнуть — и не прольется кровь. Но он дал себе зарок «не вмешиваться» и ничего не предпринимает. И становится просто жалок, оказывается в положении загнанного в угол зверя. Люди тебе не нужны, значит, и ты им не нужен. Ты остаешься один на свете. Кстати, вот эти «уставшие», которые остаются одни на свете (а остаются потому, что думают только о себе), они и сеют смуту, они и говорят, что мир совсем плох...

— Вы слишком строги к своему герою. Метания Даты так понятны. Ведь начинал он с того, что не раздумывая во все вмешивался...

— В том-то и дело, что не раздумывая! И это естественно, что за ним по пятам шли те самые «нравственные перевертыши», о которых вы говорите. Активность сама по себе еще не достоинство.

Самым важным для меня было показать, как Дата учился делать добро. Путь его нравственных исканий распадается на четыре периода. Начинает он с того, что пытается исправить мир, а каким будет результат его действий, даже не задумывается. Второй период — отчаяние, невмешательство — об этом мы говорили. Третий — снова активность, борьба с уже осознанным злом через насилие, но и здесь он терпит поражение. И, наконец, четвертый, самый важный период, когда учтен весь опыт прежних ошибок, и Дата в борьбе со злом уже не просто силен, но и мудр — он понимает, что радикальная победа над злом возможна лишь тогда, когда удается переделать зло в добро.

Ну, а если Дата с первых страниц кажется кому-то готовым «рыцарем добра», значит, я написал плохой роман. Или просто меня не захотели понять.

О КОМПРОМИССАХ И ПРОТИВОСТОЯНИИ

> **«...Он ведет великую войну только с самим собой... И нет в жизни ничего, что способно изменить лицо и смысл этой великой войны».**
> (Из романа)

Но как трудно понять это — не в книге, а в жизни — что значит переделать зло в добро? Он загадочно улыбается:

— Знаете, в народе говорят: лучше зажечь маленькую свечку, чем проклинать тьму... Я перебирал свой архив и нашел вот это...— Из какой-то папки достает клочок бумажной салфетки, исписанный грузинской вязью, переводит: — «Если ты видишь плохого человека, не спеши бороться против него, бороться нужно против обстоятельств, которые сделали его плохим. Обстоятельства сами в прошлое не уходят». По-моему, что-то здесь есть?

Конечно, я возражаю ему: а как быть с подлецом, преступником? Соглашается:

— Остановить немедленно!

— Значит, вы противоречите себе?

— Нет, просто говорю о другом. Есть борьба «против», а есть борьба «за». Считаю, что вторая конструктивнее.

Он мыслит глобальными категориями, их нельзя впрямую приложить к житейской практике? Но вот приводит пример:

— В моей жизни случалось: я узнавал вдруг, что этот человек замышляет против меня страшную подлость... Можно было бы застать его врасплох, потом отомстить. Но я открыто шел к нему и разъяснял: зачем тебе это нужно? Что тебе это даст, кроме огромной ноши на совести? И, знаете, переубеждал. И было это не раз. Даже плохой человек способен оценить, если ты к нему добр.

— Но это уже компромисс, а вы говорили, что не признаете компромиссов.

— Иногда разумнее бывает уступить человеку, потому что это принесет ему больше пользы, чем мне вреда. Он пойдет потом к другим людям, и ему будет стыдно делать им зло, раз с ним самим поступили совсем по-другому.

— А если не будет ему стыдно?

— Все равно не пожалею, что сделал попытку. Наказать какого-то одного негодяя не так уж сложно. Но в этом мало радости. Всего лишь разрушишь то, что он сделал или хотел сделать. Бороться «за» — значит приносить что-то новое, от себя. Предъявлять строгие требования прежде всего к самому себе — только через это можно изменить и других людей, и условия, я имею в виду нравственные условия, от которых в конечном счете все зависит.

Слушая его, вспоминаю, как много людей оправдывают свое бездействие неблагоприятными условиями, обстоятельствами, и мысль Амирэджиби становится яснее. Хотя отдаю себе отчет, как много в ней донкихотства...

— Знаете, над чем иногда задумываюсь? Допустим, я жил бы в таком идеальном мире, где мне уже нечего было бы делать. Я, наверное, был бы несчастным человеком. Мне нужны противоречия! Чтобы жизнь во мне нуждалась!

Слова эти могли бы прозвучать выспренне, если бы не подтверждались самыми простыми, ежедневными делами. «По одной нашей Грузии, наверное, полтысячи человек ходит, которым Чабук помог», — рассказывали мне о нем. Может быть, это (сама цифра) преувеличение. Кто считал? Но вот лишь один пример: Амирэджиби узнал, что у одного его старого друга не сложилась судьба, долго искал его, нашел в Клину, привез к себе в Грузию, одел, обул, устроил на работу... Амирэджиби считает, что в самое трудное для него время и его тоже вернули к жизни друзья:

— Они сделали меня тем, что я есть. С таким удовольствием на свете живу, вы даже представить себе не можете! И, знаете, мне ужасно везет в жизни.

— ? ? ?

— Да, где бы я ни был, мне странно везло всегда. Говорю это и не боюсь сглазить судьбу.

И здесь пришла пора рассказать, почему у него такой необычный голос и как Амирэджиби, приговоренный к смерти, выжил. Было это в 1963 году — врачи обнаружили у него рак гортани. Друзья привезли Чабуа в Москву, показывали самым лучшим специалистам, врачи настаивали на операции. Амирэджиби наотрез отказывался и держался спокойнее, чем его сопровождающие. После консилиума у врача с больным состоялся такой разговор: «Немедленная операция или вы умрете!» — «Нет, я не умру». — «Умрете в течение полугода. Гарантирую вам». — «А я гарантирую, что проживу по меньшей мере четыре года». Профессор посмотрел на него как на сумасшедшего: «Почему четыре?» — «Этого времени мне хватит, чтобы закончить мой роман». Операцию заменили облучением. Но то, что Амирэджиби выжил, было, конечно, чудом. Впрочем, не единственным чудом в жизни этого человека.

У него самого по этому поводу своя неожиданная теория:

— Когда-то в юности прочел «Философию духа» Гегеля. Там мельком упоминалось, что великие люди умирают только после того, как исполнят свою миссию в истории. Я подумал: но разве это не распространяется на всех людей? Ведь у каждого есть своя миссия в истории. Да, в самом прямом смысле. Сейчас, в наш скоростной, в наш «тесный» век, становится все виднее, как переплетаются в мире все события, судьбы людей, как все мы друг на друга влияем, зависим... Каждый человек — личность историческая. И если ты возложил на себя миссию, если убежден, что это важное дело должен сделать ты, и только ты, то никакие испытания не страшны, даже смерть подождет...

О РАСПЛАТЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

> **«...Ты должен думать также о том, чтобы, когда ты потухнешь, вокруг тебя или хотя бы на том крохотном клочке земли, на котором стоишь, не воцарилась тьма».**
> (Из романа)

Прослушивая вновь магнитофонную запись нашей беседы, с чувством неловкости обнаруживаю, что я будто жаловалась Амирэджиби: как трудно делать добро! А он упрямо доказывал: как это легко и радостно!

— Но можно ли убедить каждого, что у него — своя, особая миссия? Что престижные «гонки» — мираж?

Он не спешит отвечать. Задумавшись, смотрит в окно. В широком, выходящем на лоджию окне его кабинета, как картина в раме, — поросшая кряжистым виноградником пологая Мта-Делиси, совсем близкая, «придворная» гора. У ее подножия бежит бойкий приток Куры, стоят маленькие домишки, возле которых в садах и огородах хлопочут люди, — все это хорошо сверху видно. (Семья Амирэджиби живет на последнем этаже девятиэтажного блочного дома.) Окраина Тбилиси, а пейзаж почти сельский. Но сейчас Амирэджиби не на пейзаж, куда-то дальше смотрит. И говорит вроде бы безотносительно к моему вопросу:

— Знаете, кто такой интеллигент? Это человек, желающий другим людям добра. Он, может быть, книжек не читает, в театры не ходит, но у него в голове — свет, понимаете? Я недавно об этом с министром просвещения Грузии говорил: почему вы называетесь министерством просвещения? Просвещение и образование — не одно и то же.

Мы совершаем огромную ошибку, если формально, походя говорим нашим детям о нравственности. Пока они маленькие, пока без апелляций принимают слова взрослых, нужно вложить им в душу, в голову как непререкаемый закон: ты не один живешь на свете и должен думать о тех, кто рядом. А то что выходит? Тратим на обучение большие средства, вручаем иному человеку диплом, а он использует знания во вред нашему обществу. Берет себе и берет...

Дальше он рассказывает озадачивающую притчу о трех «ступенях» добра.

— На днях остановил меня человек на улице, возле консерватории, спрашивает: «Слушай, а все же что такое добро?» Я ему ответил: «Если ты и я станем делать свое дело и не мешать другим, это уже и будет добро». «Так мало?» — удивился он. Тогда я говорю: «Ты семью имеешь, заботишься о ней? А на работе думаешь, чтобы больше пользы принести нашему обществу?» «Конечно, я так и живу». — «Ну, тогда ты хороший человек». Он просиял и снова спрашивает: «Ну, а что такое настоящее добро?» «Вот ты идешь по улице и увидел: человек прислонился к стене. Ты забудь про свои дела — узнай, что с ним. Будет это пьяный или больной, не стыдись помочь. Возможно, тебе за это никто даже спасибо не скажет, а некоторые посмеются над тобой. Но это и будет настоящее добро».

— Хотя бы не вреди — и это уже добро? — уточняю я.

— Совершенно верно, — отвечает он. — Не расталкивать локтями окружающих, когда идешь к своей цели, это тоже, знаете, немало. Это первая ступень добра... Вы спрашиваете, как убедить человека отказаться от призывов своей зависти? Знаете, я сотню раз наблюдал в жизни, что люди расплачиваются за измену себе, пусть не немедленно, но обязательно и — самой дорогой ценой. За все, за все воздается! Даже в мелких случаях. Если меня, например, настигает какая-то неудача, начинаю рыться в памяти: где и по отношению к кому я поступил несправедливо, кого ненароком обидел? И в большинстве случаев нахожу и тогда успокаиваюсь: надо платить, нечего жаловаться на судьбу.

И ни одно доброе дело не проходит бесследно. Допустим даже: кто-то спас кого-то, рискуя жизнью, а тот, спасенный, о нем забыл. Значит ли это, что добро пропало? Ну, во-первых, мы ведь не знаем, почему тот, кто кажется нам свиньей, не спешит с благодарностью. И разве добро дается взаймы? А может быть, он какому-то третьему человеку тоже когда-нибудь жизнь спасет. Исходя из того примера. Во-вторых, люди, присутствовавшие при спасении, тоже чему-то научились — началась цепная реакция. И главное — сам человек, совершивший самоотверженный поступок, счастлив, что смог сделать это. Настоящее добро не нуждается ни в вознаграждении, ни в благодарности. Человек действует по внутренней потребности, потому что не может иначе.

— Но именно он и получает самую большую нравственную выгоду?

— Нравственность и выгода? Нет, это несовместимые понятия!

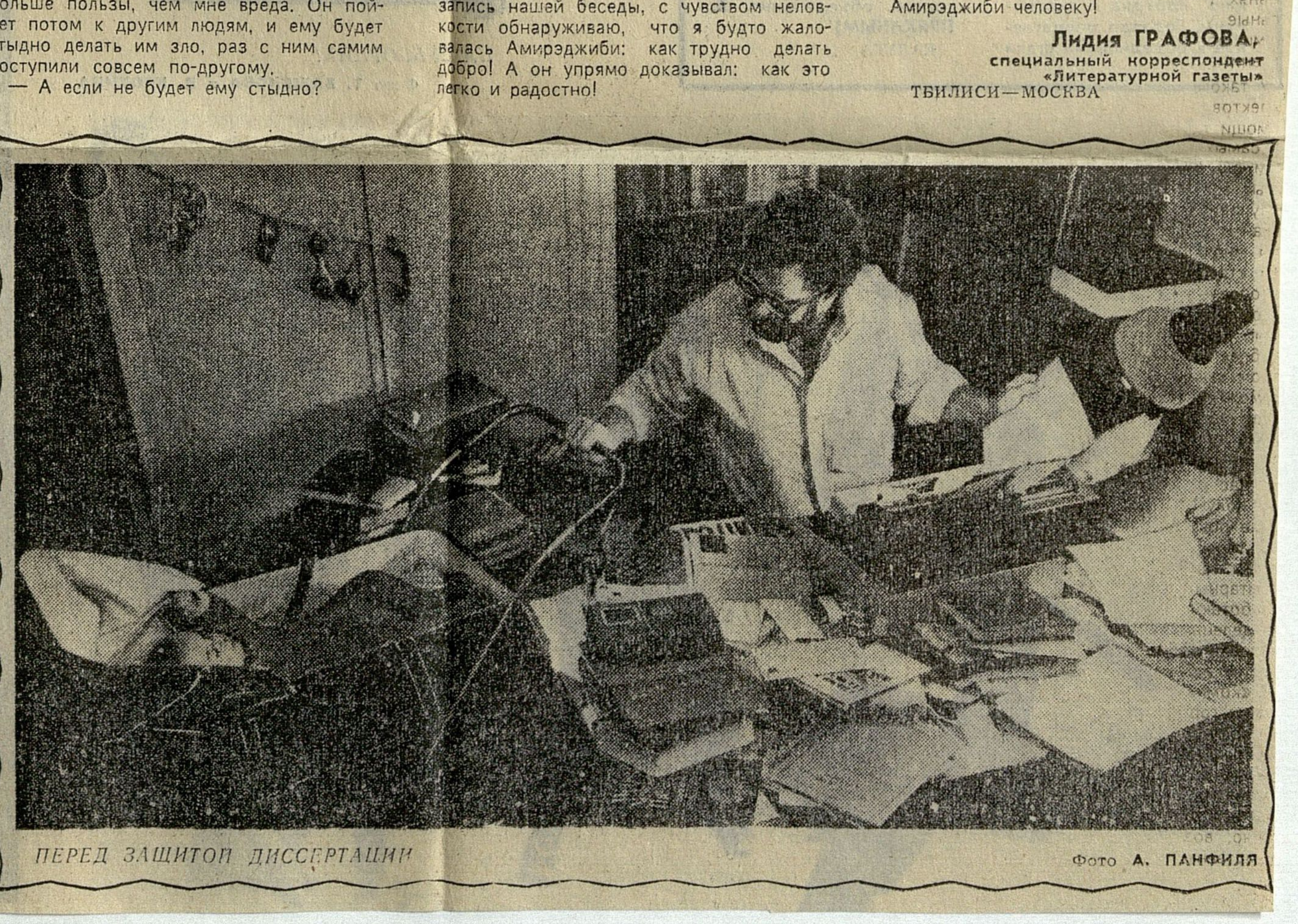
Такая вот категоричность. Опять мой вопрос оказался как бы вне системы его координат. Порой у меня возникает странное ощущение, что при нашей беседе присутствует третий — сам Дата Туташхиа, и это он отвечает на вопросы.

ПОТОМ, уже провожая меня, у лифта, он говорил о том, что «в простоту мы, люди, внесли много сложностей, а теперь нужно возвращаться к простому»:

— Только с возрастом понимаешь аромат и силу простых истин. Они и есть то главное, что должен постичь человек и чему следовать... И знаете, к какой мысли я пришел? Вернее, **увидел** эту мысль на своем опыте, на судьбах других людей: добро — это особый, не изученный пока вид энергии, которая не исчезает из мира, а накапливается...

Утопист он? Романтик? Может быть. Но какой строгий счет предъявляет Амирэджиби человеку!

Лидия ГРАФОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ТБИЛИСИ—МОСКВА



ПЕРЕД ЗАЩИТОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Фото А. ПАНФИЛЯ